

ПИСЬМА К СЫНУ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РОМАНА КАРМЕНА

В течение нескольких десятилетий я знал выдающегося советского кинодокументалиста Романа Лазаревича Кармена. Наблюдал его неистовую работу на съемках, следил за его литературно-публицистической деятельностью, видел, как рождались замыслы его великолепных фильмов и эпопей... Это был человек, жизнь которого вся без остатка была отдана любимому делу — документальному кино.

Я хорошо помню, как на одном из наших кинофестивалей зарубежные мастера экрана единодушно назвали его кинодокументалистом мира № 1. Таким он был, таким живет и поныне в наших сердцах.

Был он и прекрасным отцом... Об этом свидетельствуют, в частности, и публикуемые ниже фрагменты из писем, с которыми нас познакомил его младший сын. Думаю, что их не следует комментировать...

Наум МАР.

«Москва, 20 февраля 1977 г.

Дорогой Сашулька!

...Отдохнул я в Кисловодске прекрасно. Приехал загоревшим, помолодевшим, бросил там курить (в Москве снова начал) и сразу ринулся в московскую мясорубку... Вдруг появился новый проект, в который я, как мне кажется, уже увяз по макушку. Речь идет о создании в сумасшедше-короткие сроки 20 фильмов, по часу каждый, для американского телевидения, фильмов о Великой Отечественной войне. Я уже не говорю о политической важности этого предприятия, но это заманчиво и мне, солдату, махануть такую серию. Разумеется, я не сам буду делать — создается могучая бригада режиссеров, вся студия становится «под ружье» для выполнения этой задачи. К первому января серия уже должна быть готова и озвучена на английском языке. Проект грандиозный и по масштабам, и по темпу работы — вот чем я занят сейчас...

...В общем, все в порядке, если не считать некоторой тревоги, не покидающей меня в связи со сложностью всего этого дела, уж очень большой будет нагрузка. Вернее, перегрузка.

Целую тебя, твоих. Пиши».

«Москва, 26 сентября 1977 г.

Я сижу по горло в американской серии. Света божьего не вижу, устал ужасно, перегрузки невероятные. Очевидно, только на том и держусь, что в моем словаре нет слова «отдых». Прodelал поездку по нашему Союзу вместе с американским актером Бертом Ланкастером — ведущим будущей серии. Маршрут: Москва — Ленинград — Мурманск — Минск (Хатынь) — Брест — Киев, Сталинград — Новороссийск — Москва. В каждом из городов — по две съемки, сутки пребывания — и дальше. Правда, был у меня спецсамолет, без которого ничего не получилось бы. В каждом городе Ланкастер говорил вступление к очередному фильму. Были ужасные сражения по

каждой запятой, тексты писали в самолете, там же переводили, там же «дрались». Ланкастер очень интересный человек, легендарный супер-стар Америки. Колочий, умный, честный, эрудированный. Когда мы прощались в Шереметьевском аэропорту, смахнув слезу, он сказал, что в моем лице приобрел большого друга. Я его тоже полюбил.

...Восемнадцать фильмов американской серии уже готовы (вчерне, конечно), сдаем их, но работы еще невпроворот. Все дни допоздна провожу на студии, встаю за шесть утра... Что у тебя? Напиши».

«Москва, 26 октября 1977 г.

Работаю очень крепко, напряженно. Рабочий день — 16—18 часов. Вот пишу тебе в 6.30 утра. Таков ежедневный подъем, а ложусь не раньше двенадцати. Сейчас прибавилось напряжение — с минуты на минуту жду вызова на съемку на самую высоту... Впереди еще много этапов. Но если все закончится благополучно, — будет беспрецедентный залп, будет наша огромная идеологическая победа, трудно переоценить силу этого предприятия. А пока — немислимое напряжение, перегрузки. К двум часам дня я уже скисаю. Утомлен и приходится уже через силу включать вторую ступень напряжения...

Поздравляю вас с праздником, дорогие ребята!

Батя».

«Москва, 10 ноября 1977 г.

...Ну что тебе сказать об Испании? Конечно, все это было очень волнительно, прекрасно. Я вдохнул всеми легкими воздухом близкой мне страны. Изменившейся невероятно, непохожей на Испанию, но очень все же близкой. Я снимал, Римка (старший сын. — Н. М.) дал мне свою камеру «Эклер», и я сделал в Мадриде много репортажных зарисовок. Думаю, получится недурная одночасовка, которая станет заявкой на будущий фильм. А главное, я вывез из Испании твердую уверенность, что сейчас можно и

нужно делать фильм о ней, с ретроспекцией в прошлое, с привлечением большого, потрясающего материала о борьбе народа, который мне показали друзья. Когда получу журнал «Куадернос пара эль диалого» — я дал ему пространное интервью, — вышлю тебе. С президентом этого журнала Руисом Хименесом, официальным адвокатом Корвалана — была интереснейшая встреча. Надиктовал шесть часовых кассет — сейчас расшифровываю их, потом буду писать. Да, перед Испанией я пробыл пять дней в Италии. Во Флоренции происходила всемирная встреча бойцов интербригад. Советскую делегацию возглавлял генерал армии Павел Иванович Батов. Я был членом делегации. При помощи римского корреспондента телевидения грохнул потрясающий — живой репортаж с площади во Флоренции. Здорово получилось, потом мне звонила Москва.

Приближаются тяжелые события — 70-летие. Я с ужасом думаю об этом. Решили провести официально, чествование в Доме кино в первых числах января...

Сегодня давали генеральной дирекции «Мосфильма» снятый материал фильма «Ночь над Андами», о Чили. Здорово! Очень хорошо приняли материал. Я рад, что участвовал в создании этого фильма — он весь сделан в документальном стиле... Гендиректор «Мосфильма» Сизов шепнул мне после просмотра:

— Это — бомба!

...Вот и все новости...

«Москва, 29 декабря 1977 г.

Ну вот и отгремели юбилейные игрища, фейерверки — тишина настала. Первые за долгое время завалился на дачу и просидел здесь два дня, копался в гараже, чего-то пилил, строгал, немного пришел к себе. Празднование в Доме кино было очень торжественным, не сухим, не читали адресов, но халаты на меня надевали...

Встречали на аэродроме Луиса Корвалана — мы очень горячо обнимались... А вчера состоялась с ним встреча, во время которой он сказал мне:

— Не обижайся, сейчас картину («Сердце Корвалана». — Н. М.) не могу смотреть. Тяжело! Я слышал о ней. И Лили (жена Корвалана. — Н. М.), и мне будет трудно смотреть... Давай посмотрим ее недели через две-три...

Сговорились, что посмотрим в конце января, когда я вернусь из отпуска.

Вот, сынок, и все.

Целую вас всех».

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

27 НОЯ 1987

173